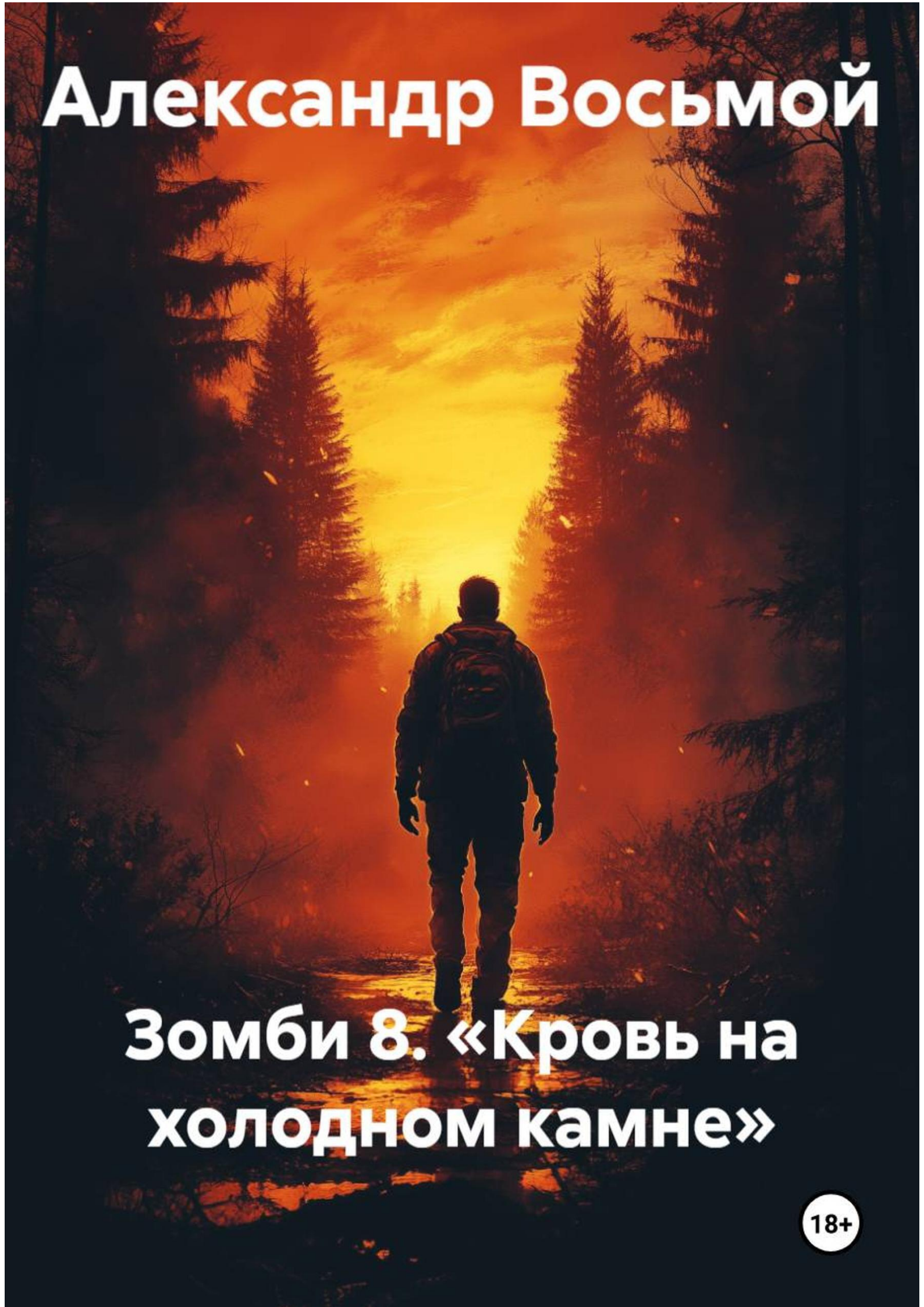

The background image shows a person from behind, wearing a dark jacket and a backpack, walking down a narrow path in a forest. The path is flanked by tall, dark evergreen trees. At the end of the path, a brilliant, intense orange and yellow light emanates, resembling a massive fire or a low sun setting, which casts a long, bright glow down the path and illuminates the person's silhouette. The overall atmosphere is mysterious and ominous.

Александр Восьмой

**Зомби 8. «Кровь на
холодном камне»**

18+

Александр Восьмой

**Зомби 8. «Кровь на
холодном камне»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Зомби 8. «Кровь на холодном камне» / А. Восьмой — «Автор», 2026

Среди заснеженных гор, где скалы будто вырезаны из кошмара, прячется племя, для которого голод — не беда, а оправдание. Каннибалы здесь — не просто чудовища, а жрецы забытого культа, превратившие страх в ритуал. Когда караван беженцев ищет укрытие в этих землях, они не знают, что стали частью древней легенды, которую местные повторяют шёпотом у костров. Юный следопыт, потерявший семью, идёт по кровавому следу, чтобы найти сестру, и понимает: в этих горах чудовищем можно стать не только от голода, но и от отчаяния. Атмосферная сага балансирует между первобытным ужасом и трагедией, где каждый шаг по льду отзывается эхом чьего-то крика, а рассвет приходит слишком поздно.

Александр Восьмой

Зомби 8. «Кровь на холодном камне»

Глава 1. Те, кого горы проглотили

Караван беженцев — тридцать семь душ, повозки, скот, дети — уходит на север, подальше от чумы мёртвых, пожирающих равнины. Перевал Кривой Клык встречает их тишиной, обманчивой, как улыбка. На третьи сутки из тумана выплывают каменные столбы с вырезанными на них лицами — рты открыты в крике. Проводник бросает всех и бежит. К утру исчезает первая повозка — вместе с лошадьми, вместе с людьми. Ни следов, ни крови. Только тишина, и где-то далеко — звук, похожий на пение.

Мальчик Ивар прижимается к матери, но даже её тепло не прогоняет холод, что ползёт по хребту. Он видел, как дрожали руки у возницы, как тот всё поглядывал на скалы, будто ждал, что камни моргнут. А теперь — пустота там, где была повозка дяди Радомира, и странный запах в воздухе: не дым, не гниль, а что-то древнее, будто сама гора выдохнула забытое проклятие.

— Не смотри наверх, — шепчет мать, стискивая его плечо. — Горы любят, когда на них смотрят. Тогда они запоминают.

Ивар всё же поднимает глаза. И в трещине между валунами мелькает тень — не человеческая, слишком угловатая, будто сложенная из острых углов и голода. Она исчезает, но в груди остаётся царапина страха, глубже любой раны.

К полудню туман сгущается до молочной пелены, и голоса в караване становятся тише, пока не смолкают вовсе. Лишь скрип колёс и редкое ржание лошадей нарушают мёртвую тишину. А потом из мглы доносится другой звук — ритмичный, глухой, будто кто-то бьёт в барабан из человеческой кожи. Ивар сжимает кулаки, чувствуя, как под кожей шевелится первобытный ужас: этот ритм не случайность. Это зов.

Когда туман ненадолго рассеивается, на склоне, высоко над тропой, стоят фигуры. Много. Они не двигаются, просто смотрят. Их силуэты неестественно прямые, будто вырезаны из тьмы. И у каждого в руках — что-то длинное и блестящее.

Старейшина каравана поднимает руку, приказывая остановиться. Его лицо белеет, как мел.

— Это не люди, — говорит он хрипло. — Это те, кого горы проглотили... и кому потом дали голос.

В тот же миг с вершины срывается камень. Он летит вниз, круша лёд, и ударяется о землю с глухим стуком, похожим на смех. И тогда из темноты между скалами выходит первый. Он шагает медленно, но уверенно, и на его плечах — обрывки шкур, а на груди — ожерелье из мелких костей. Его глаза — чёрные провалы, в которых нет ни злости, ни радости, только бесконечный голод.

Он останавливается в десяти шагах и поднимает голову. Его рот раскрывается, и из горла вырывается не слово, не крик — а звук, от которого стынет кровь: низкий, вибрирующий, будто гора запела на языке, который люди забыли тысячу лет назад.

Караван замирает. Даже дети перестают плакать. И в этой звенящей тишине Ивар вдруг понимает: они уже не идут через горы. Они идут внутрь кошмара, который ждал их здесь веками. И самое страшное — этот кошмар знал о них задолго до того, как они сделали первый шаг.

Глава 2. Племя, которое не голодает

Ущелье Белой Пасти лежало в тени вечных льдов — будто сама земля здесь забыла, что такое свет. Снег не таял даже в полдень, а скалы нависали над тропой, словно челюсти, готовые

сомкнуться. Именно сюда, спасаясь от надвигающейся тьмы, свернул остаток каравана — не по воле, а по нужде: лошади падали, дети дрожали, а впереди не было ничего, кроме холода и тишины, которая с каждым шагом становилась всё тяжелее.

Ивар шёл последним, сжимая в кармане осколок зеркала — единственное, что осталось от дома. Он не верил в удачу, но верил в следы: на льду темнели вмятины — не звериные, не человеческие, а будто кто-то волок что-то тяжёлое. И эти следы вели вниз, в сердце ущелья.

Там, где скалы сходились в узкий проход, тропа обрывалась у низкой каменной стены, сложенной без раствора — будто её строили не руками, а зубами. За стеной мерцали огни. Не тёплые, как у костра, а холодные, синеватые — будто пламя лизало лёд изнутри. И от этих огней тянулся запах, от которого у Ивара свело желудок: дым, горелая кость и что-то сладковато-гнилое, как забытый мёд.

— Стой, — прошептал старейшина, хватая Ивара за плечо. — Это не убежище. Это пасть.

Но было поздно. Из темноты между камнями выступили фигуры. Они двигались бесшумно, будто скользили по льду, не оставляя следов. Их одежда была сшита из шкур и сухожилий, а лица прикрывали маски из выбеленных костей — пустые глазницы смотрели сквозь путников, будто сквозь воздух.

Одна из фигур — высокая, с ожерельем из зубов — вышла вперёд. В руке она держала посох, увенчанный черепом птицы. Её голос прозвучал не как речь, а как треск льда:

— Вы пришли не просить. Вы пришли стать частью.

Старейшина шагнул вперёд, расправив плечи:

— Мы не враги. Нам нужно лишь тепло и хлеб.

Фигура медленно покачала головой. Маска щёлкнула, как клюв.

— У нас нет хлеба. У нас есть голод. А голод здесь — бог. И он хочет жертвы.

В тот же миг из-за стены показались другие — десятки теней, скользящих по снегу. Они не кричали, не смеялись, не торопились. Они просто окружали, как туман, который нельзя стряхнуть. Ивар заметил, как одна из женщин племени подняла чашу — грубо выточенную из кости, наполненную густой, тёмной жидкостью. От неё шёл пар, но он не был тёплым — он был липким, как страх.

— Пей, — сказала женщина, протягивая чашу старейшине. — И ты перестанешь бояться. Тот отшатнулся.

— Мы не пьём из костей.

Маска снова щёлкнула.

— Тогда кости выпьют вас.

С этих слов тишина рухнула. Тени метнулись вперёд, и ущелье наполнилось звуком, которого Ивар не мог описать: не крик, не вой, а низкий, вибрирующий гул, будто сама гора застонала от голода.

Ивар рванулся в сторону, туда, где между скал мелькнул узкий проход. Он не думал — он бежал, чувствуя, как холод впивается в лёгкие, а за спиной нарастает шёпот, похожий на молитву. И в этом шёпоте он вдруг различил слова — не на своём языке, но понятные без перевода:

«Голод не прощает. Голод помнит».

Он выскочил на узкий карниз, обернулся — и на мгновение увидел, как ущелье вспыхивает синим огнём, а фигуры в костяных масках смыкают круг. Среди них мелькнуло бледное

лицо — на миг показалось, что это сестра. Но прежде чем он успел крикнуть, тень накрыла её, и свет погас.

Теперь Ивар был один. Ветер свистел в трещинах скал, а где-то внизу, в глубине ущелья, снова нарастал гул — будто гора открыла рот и готовилась проглотить всё, что осталось от каравана. Ивар сжал осколок зеркала, чувствуя, как по пальцам течёт кровь — не от пореза, а от холода, который пробирался под кожу.

Он знал: чтобы найти сестру, придётся спуститься туда, где голод стал богом. И, возможно, чтобы выжить, ему придётся услышать этот голос — и не сойти с ума.

Глава 3. След, который ведёт вниз

Пещера пахла сыростью и страхом — запахом, который Юра научился узнавать раньше, чем научился читать следы. Выжившие жались друг к другу у тлеющего костра, а он стоял у входа, вглядываясь в белизну, будто она могла шепнуть, куда увели Нелли. Мать, дрожащая, с почерневшими от холода пальцами, схватила его за рукав:

— Не выходи. Здесь хотя бы тепло.

Юра мягко высвободился.

— Я вижу след. Маленький, босой. Рядом — отпечаток ладони. Будто кто-то вёл её, а не тащил.

Старейшина поднял голову, в глазах — усталость, смешанная с обречённостью.

— Это не путь, Юра. Это приглашение. А те, кто его оставляет, не любят гостей.

Но Юра уже шагнул наружу. Холод ударил по лицу, как пощёчина, и тут же стих — будто горы прислушивались. Снег лежал нетронутый, кроме одной линии: цепочка крошечных отпечатков, едва заметных, и рядом — широкая, тяжёлая ладонь, вдавившая снег до камня. След уходил вниз, к ущелью, где скалы сходились, как зубы. А над расщелиной вился дым — не серый, а сизый, с маслянистым отливом, будто горело не дерево, а что-то живое.

Юра шёл, не отрывая глаз от снега. Каждый отпечаток Нелли был как крик, который никто не услышал. Иногда след прерывался — и тогда рядом появлялись капли, тёмные на белом. Кровь. Совсем немного, будто царапина. Юра стискивал кулаки, запрещая себе думать о худшем.

Чем ниже он спускался, тем тише становился мир. Даже ветер будто боялся шуметь здесь. Скалы нависали, закрывая небо, и в узких проёмах между ними темнели ниши — не естественные, а будто выдолбленные руками, слишком ровно, слишком глубоко. В одной из них Юра заметил кость — не звериную, а человеческую, аккуратно уложенную, как подношение.

След привёл его к трещине в скале — узкой, едва достаточной, чтобы протиснуться. Из неё тянуло тёплым, но не добрым теплом — оно пахло дымом, железом и чем-то сладковатым, от чего желудок сжимался в узел. И оттуда, из темноты, доносился звук — не разговор, не песня, а ритмичное постукивание, будто кто-то отбивал такт по кости.

Юра прижался к камню, вглядываясь внутрь. В глубине мерцал свет — не живой, а неживой, как от углей, которые не хотят гаснуть. И в этом свете мелькнули фигуры: высокие, неподвижные, в накидках из шкур и костей. Среди них — маленькая тень. Тонкие плечи, спутанная прядь светлых волос. Нелли.

Она стояла между двумя фигурами, не плача, не вырываясь — будто оцепеневшая. А перед ней на низком каменном постаменте лежала чаша, вырезанная из черепа. Одна из фигур подняла руку, и на её запястье блеснуло что-то металлическое — не украшение, а оковы.

Юра уже шагнул вперёд, чтобы броситься туда, когда из тени рядом с ним раздался шёпот:

— Стой. Ты их разбудишь.

Он обернулся. Из темноты выступила фигура — не из племени. Старик в потрёпанной куртке, с лицом, изрезанным шрамами. В руке он держал изогнутый нож с костяной рукоятью.

— Ты думаешь, они просто едят, — прошептал старик. — Но это не голод. Это ритуал. Они кормят того, кто спит под горами. И каждый, кого они берут, становится голосом этого сна.

— Мне не нужны легенды, — хрипло ответил Юра. — Мне нужна сестра. Старик покачал головой.

— Тогда слушай. У них есть правило: пока жертва не коснётся чаши — она ещё не отдана. У тебя есть миг. Но чтобы спасти её, тебе придётся стать тем, кого они не ждут.

Юра сжал кулаки, чувствуя, как холод пробирается под кожу, смешиваясь с яростью.

— Я стану чем угодно. Лишь бы она вышла отсюда живой. Старик кивнул, будто знал этот ответ заранее.

— Тогда иди. Но не беги. В этих стенах бег — это крик. А крик они любят больше всего.

Юра скользнул в трещину, стараясь ступать бесшумно. Свет становился ярче, стук — громче, а в груди разрастался холод, который не имел ничего общего с морозом. Он знал: сейчас решается не только судьба Нелли. Сейчас решается, останется ли он человеком — или станет частью этого кошмара, который горы шепчут веками.

Глава 4. Мёртвые, которые ходят

В пещере царил полумрак, густой и липкий, будто сам воздух здесь пропитался страхом. Пламя костра едва шевелилось, отбрасывая на стены дрожащие тени, и в их танце всё казалось живым — даже камни. Выжившие сидели тесной кучкой, прижавшись друг к другу, словно тепло тел могло удержать ночь снаружи. Но ночь уже была внутри.

Стефан, старейшина с лицом, изрезанным морщинами, как высохшее русло реки, лежал у дальней стены. Он умер тихо, без стонов, просто перестал дышать — и все решили, что это милость. Пусть хоть один уйдёт спокойно. Но утро не принесло покоя.

Оно принесло движение.

Стефан встал. Не рывком, не в судороге — медленно, будто преодолевая тяжесть, которой не было у живых. Его глаза стали молочно-белыми, лишёнными зрачков, а кожа приобрела оттенок серого камня. Он стоял, покачиваясь, и смотрел — или сквозь них, или на них, никто не мог сказать точно.

— Стефан... — прошептала Лия, девочка лет двенадцати, и потянулась к нему. — Ты слышишь?

Он повернул голову. Движение вышло неестественно плавным, почти текучим, как будто суставы забыли, что такое резкость. И тогда он шагнул. Один шаг. Второй. К Лие.

Кто-то закричал. Звук ударил по стенам и вернулся эхом, многократно усиленным. Стефан не вздрогнул. Он просто наклонился, открыл рот — и в этом движении не было ни ярости, ни боли, только холодная целеустремлённость.

Первый укус был почти бесшумным — только короткий всхлип Лии и влажный звук, который никто из выживших не забудет до конца своих дней. А потом началось то, чего никто не мог остановить.

Зараза расползлась по пещере, как дым. Те, кого коснулись эти мёртвые губы, замирали на мгновение, будто прислушиваясь к чему-то внутри, а потом поднимались — с тем же молочным взглядом, с той же тяжёлой, неумолимой походкой. Они не рычали, не выли, не рвались вперёд — они шли, как идут по знакомой тропе. И каждый новый встававший тянулся к тем, кто ещё дышал.

В углу пещеры мальчик лет восьми забился в щель между камнями, закрыв уши руками, но даже сквозь пальцы он слышал не крики, а шёпот: «Они не чувствуют. Они просто идут».

А снаружи, за пределами пещеры, в ущелье Белой Пасти, племя в костяных масках отбивало ритм на барабанах из высушенной кожи. Их ритуал был посвящён голоду — древнему, разумному, терпеливому. Но сегодня в их священную тишину ворвался другой звук — не стук барабана, а глухой, тяжёлый шаг, который не принадлежал ни человеку, ни зверю.

Мёртвые равнин пришли в горы. Они не знали ритуалов, не чтили богов, не искали жертв — они просто искали плоть, чтобы заполнить пустоту внутри. И теперь в этих скалах столкнулись две смерти: одна — древняя, ритуальная, возведённая в культ; другая — слепая, заразная, пожирающая всё на своём пути.

И самое страшное было в том, что они ещё не встретились.

Один из выживших, седой мужчина с обожжённой рукой, схватил факел и шагнул к выходу.

— Мы не можем сидеть здесь, — прохрипел он. — Они заполняют пещеру, как вода заполняет трещину. Нам нужно уйти. Сейчас.

Но когда он распахнул полог из шкур, снаружи уже ждали. Не люди в костяных масках — эти были хуже. Медленные, серые, с глазами, похожими на мутное стекло. Они стояли у входа, загораживая путь, и их было много.

Мужчина отшатнулся, роняя факел. Пламя зашипело, коснувшись влажного камня, и на мгновение осветило лица тех, кто стоял снаружи. В их неподвижности было что-то страшнее любой ярости — абсолютная пустота.

— Они не остановятся, — прошептал он, отползая назад. — Они никогда не устают.

Пещера стала ловушкой. С одной стороны — мёртвые, что ходят, с другой — племя, для которого голод был богом. И между ними — горстка живых, у которых оставалось только одно: время. Совсем немного.

Где-то в глубине ущелья, там, где Юра всё ещё пробирался по узким карнизам в поисках сестры, раздался низкий, вибрирующий звук — не барабанный бой, а что-то более древнее, более глубокое, будто сама гора вздохнула. И этот вздох был полон предвкушения.

Глава 5. Кухни под камнем

Юра полз по узкому лазу, вырубленному в толще скалы, — щели, которую он заметил ещё с карниза: тонкая, как трещина в льду, но ведущая вниз, туда, где мерцал зловещий свет. Камни царапали ладони, холод пробирался под одежду, но он не чувствовал боли — только нарастающий внутри холод иного рода, тот, что приходит, когда понимаешь: сейчас ты увидишь то, что нельзя развидеть.

Лаз вывел его в полукруглую нишу, откуда открывался вид на скрытую долину — не природную, а высеченную руками. Здесь скалы были изрезаны уступами, площадками, нишами, будто сам камень пытались превратить в город. Внизу, в центре, тянулись длинные каменные столы, отполированные до маслянистого блеска. На них лежали ножи — не железные, а из чёрного обсидиана, острые, как зимний рассвет. Рядом — кострища, где тлели угли странного, сизого цвета, будто горело не дерево, а сама тьма.

Но страшнее всего были клетки. Не из прутьев, а вырубленные прямо в скале — узкие ниши с тяжёлыми каменными заслонками. В них сидели дети из каравана. Их лица были бледны, но не от ужаса — от сытости. Им давали еду: густую похлёбку из корней и мяса, от которой шёл пар, липкий и тяжёлый. Их не мучили. Их откармливали.

Юра замер, вцепившись пальцами в край уступа. Где-то внизу мелькнула светлая прядь — Нелли. Она сидела в крайней клетке, прижавшись к холодной стене, и смотрела вперёд,

будто пыталась удержать взгляд на чём-то одном, чтобы не сойти с ума. Рядом с ней стояла женщина — не пленница, не стражница, а нечто большее.

Жрица Крагга.

Её лицо было похоже на кору мёртвого дерева — морщинистое, серое, будто вырезанное из того же камня, что и стены. В руках она держала чашу из полированной кости, а голос её звучал не как речь, а как скрип древнего льда:

— Ты думаешь, мы жестоки, дитя? — говорила она Нелли, склонившись так низко, что тень от её капюшона накрывала девочку, словно крыло. — Но мы не убийцы. Мы строители мостов. Твоя плоть станет мостом между миром живых и миром сна. Тот, кто спит под горами, должен есть, чтобы не проснуться в гневе. А если он проснётся... здесь не останется ни гор, ни неба, ни памяти о тебе.

Нелли не плакала. Только сжала кулаки так, что побелели костяшки.

— Я не хочу быть мостом, — прошептала она. — Я хочу к брату.

Крагга медленно подняла голову, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на усталость — или на древнюю, невыносимую скуку.

— Брат не придёт. Здесь нет места для героев. Здесь есть только долг и голод.

Юра стиснул зубы, чувствуя, как внутри поднимается волна, горячая и острая, как лезвие обсидианового ножа. Он не был героем. Он был мальчишкой, который умел читать следы и прятаться в тенях. Но сейчас этого было достаточно.

Он видел расположение стражников — трое у центрального стола, двое у клеток. Видел, где лежат запасные заслонки — тяжёлые, но подвижные. Видел, как дым от костров стелется по земле, скрывая нижние уступы. И он понял: он не сможет победить их силой. Но он сможет стать тем, чего они не ждут.

Шёпот Крагги продолжал звучать, ровный и гипнотизирующий, будто она пыталась убавлять саму смерть:

— Когда придёт время, ты не почувствуешь боли. Боль — это для живых. А ты станешь частью великого покоя.

Юра отполз назад, в темноту лаза, и на мгновение закрыл глаза, чтобы прогнать дрожь в пальцах. Он не будет жертвой. Он не будет просителем. Он придёт за сестрой не как мольба, а как буря — внезапная, яростная, сметающая всё на своём пути.

И когда он снова выглянул вниз, на каменные столы уже ложилась тень — не от скал, не от костров, а от чего-то большего. От решения, которое он принял.

Внизу Крагга подняла чашу, и её голос зазвучал громче, обращаясь уже не к Нелли, а к невидимым слушателям в толще камня:

— Пусть жертва будет чистой. Пусть мост будет крепким.

Юра бесшумно достал из-за пояса тонкий крюк — трофей, подобранный у погибшего стражника. Его пальцы сомкнулись на холодном металле.

— Нет, — прошептал он, глядя вниз. — Мост не будет построен.

Он скользнул вперёд, сливаясь с тенью, и мир вокруг него сжался до трёх вещей: камня, движения и цели. Где-то далеко, за пределами этой долины, в другой пещере, мёртвые продолжали свой бесконечный шаг. Но здесь, под камнем, решалась другая битва — битва за то, кем ты останешься, когда тьма попробует назвать тебя своим.

Юра знал: он останется братом. И этого было достаточно, чтобы броситься в самую пасть ужаса — и выйти оттуда с сестрой.

Глава 6. Костяной язык

Ледник дышал холодом — густым, плотным, будто сам воздух здесь был вырезан из льда. Юра пробирался по узкому коридору, где стены блестели, как полированные кости, а каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Он шёл на звук — не на голос, а на скрежет: кто-то царапал камень, будто пытался оставить знак.

В нише, почти скрытой за выступом, сидел юноша. Его кожа была бледной до синевы, пальцы — в мелких порезах, а в глазах читалась та особая настороженность, какая бывает у тех, кто слишком долго смотрел в спину опасности. Он держал в руках обломок кости и выводил на стене странные символы — угловатые, похожие на следы когтей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.